с другой. Влияние определенной исторической обстановки на усиление „народности“ в литературе установлено пока, главным образом, в исторических жанрах; в полном объеме проблема народности еще не разрешена.

В связи с широкой постановкой проблемы народности древнерусской литературы, предстоит заново выяснить отношение книжной и устной литературы древней Руси. Советское литературоведение не может ограничиться указанием отдельных случаев отражения фольклора в литературных жанрах. Опровергая господствовавшее в дореволюционной науке представление об оторванности в средние века книжности от устной поэзии, исследователи за последние десятилетия доказали непрекращавшееся общение этих двух областей словесного творчества, наметили периоды, когда это общение становилось особенно оживленным, и поставили вопрос об исторической обусловленности процесса взаимодействия литературы и фольклора. Впереди большая работа над изучением того, как протекал этот процесс в каждую эпоху, в каждом литературном жанре, какую функцию выполняли элементы фольклора в формировании идейно-художественного своеобразия литературы, в чем их качественное отличие от специфически книжных.

Как уже сказано, углубленное изучение исторической темы в древнерусской литературе показало прочную связь литературы с реальной действительностью. Советские исследователи ставят задачу обнаружить те особые, специфичные именно для средневековья художественные средства, с помощью которых писатели выражали свое отношение к действительности. В свете такой постановки вопроса переоценивается, например, роль религиозного и религиозно-фантастического элементов в светской литературе. Достаточно вспомнить исследования биографий таких героев русского средневековья, как Александр Невский и Дмитрий Донской; функция религиозно-дидактических эпизодов в этих биографиях определена как закономерное для средневековья выражение высшей оценки их подвигов. Религиозная фантастика воинских повестей — знак особого покровительства божества правому делу или, наоборот, наказания „греховного“; этим своеобразным средством авторы выражали оправдание одной и осуждение другой стороны в феодальной борьбе или в борьбе русских с внешними врагами; религиозной фантастикой доказывалась правомочность того или иного политического действия, „чудесами“ и „видениями“ защищались областные сепаратисты от наступления централизующей московской власти и т. д.

Так открывался широкий простор для объяснения воздействия на светскую литературу религиозно-дидактических жанров, в свою очередь вместе с исторической темой впитывавших и элементы светского повествовательного стиля. Стало ясно, что историческая тема, проникая в религиозный жанр, разрушает его форму, вводя в нее элементы иного стиля. С другой стороны, религиозная форма, врывающаяся в исторический рассказ, заменяет условными схемами некоторые реальные его эпизоды.